

10) Шкловъ (1 стана).

Принадлежитъ дворянину Воейкову. Лежитъ на правомъ гористомъ берегу р. Днѣпра, при упраздненномъ С.-Петербургскомъ почтовомъ трактѣ, въ 32 верстахъ отъ Могилева.

Шкловъ упоминается въ исторіи впервые въ 1535 г., когда онъ былъ выжженъ русскимъ воеводою Василиемъ Шуйскимъ во время войны Ивана Грознаго съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Съ XVI вѣка Шкловская волость составляла уже графство въ самомъ могущественномъ родѣ литовскихъ магнатовъ Ходкевичей *), а Шкловъ былъ укрѣпленнымъ городомъ; поэтому онъ дважды (въ 1563 и 1580 г.) подвергался разоренію отъ русскихъ войскъ. Вѣроятно въ промежутокъ этого времени владѣлецъ Ходкевичъ укрѣпилъ городъ валомъ и рвомъ, остатки

*) Ходкевичи—графы на Шкловѣ и Мыши (№№ 55 и 62 III т. актовъ Зап. Россіи 1848 г.).

котораго и теперь видны со стороны въѣзда изъ г. Орши. Въ 1655 г., послѣ побѣды русскихъ войскъ надъ литовскимъ гетманомъ Радзивилломъ, Шкловъ былъ разграбленъ казаками ¹⁾. Въ 1708 г. шведскій генераль Левенгауптъ, будучи недовольнымъ полученною отъ жителей контрибуціею, произвелъ новое опустошеніе въ городѣ ²⁾. Въ 1762 г. Шкловъ получилъ отъ короля Августа III привилегію на учрежденіе магистрата и печать съ изображеніемъ вишащаго безмена. То или другое изображеніе на печати означаетъ всегда символъ главнаго занятія городскихъ обывателей. Если на шкловской печати изображенъ безмень, значитъ городъ былъ торговый по преимуществу. Въ 1769 г. городъ опустошенъ страшнымъ пожаромъ, послѣ котораго большая часть жителей, оставя старое мѣсто, начали строиться по лѣвую сторону рѣчки Шкловянки на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ мѣстечко; оставленное жителями прежнее городское мѣсто называется теперь селомъ „Старый Шкловъ.“

Отъ графовъ Ходкевичей Шкловъ перешелъ по наслѣдству къ князьямъ Чарторыжскимъ или Чарторыйскимъ (по бѣлорусски), а отъ нихъ, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, поступилъ въ число государственныхъ имуществъ ³⁾. Въ 1773 г. онъ былъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Могилевской провинціи ⁴⁾ и подаренъ сначала князю Потемкину, а потомъ въ 1778 г. генералъ-майору (впослѣдствіи генераль-лейтананту) Семену Гавриловичу Зоричу. За годъ до этого, при новомъ распредѣленіи уѣздовъ въ губерніи, Шкловъ не показанъ уже въ числѣ уѣздныхъ городовъ и въ 1818 г. по вѣдомости объ этапахъ названъ мѣстечкомъ ⁵⁾. Въ 1812 г. его заняли временно французы.

Шкловъ, соперникъ Бердичеву по развитію въ немъ еврейскаго населенія, былъ нѣкогда весьма важнымъ торговымъ пунктомъ во всемъ западномъ краѣ; но, послѣ проведенія шоссе и упраздненія Петербургскаго тракта, значеніе Шклова, какъ средоточія торговли, понизилось и впослѣдствіи совсѣмъ упало. Особенно цвѣтущее состояніе его относится къ послѣдней четверти XVIII вѣка, когда владѣльцемъ его былъ знаменитый Зоричъ, и къ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Зоричъ устроилъ здѣсь и содержалъ на свой счетъ училище для дѣтей бѣлорусскихъ дворянъ (кадетскій корпусъ), въ которомъ обучалось до 300 воспитанниковъ. На устройство этого заведенія употреблено 77858 р., а на

¹⁾ См. Историч. очеркъ стр. 36 и 49.

²⁾ Безъ-Корниловичъ стр. 208.

³⁾ Изъ статьи Брикнера „Путешествіе Императрицы Екатерины II въ Могилевъ въ 1780 г.“ (Русск. Вѣстн. 1881 г. № 8) видно, что Императрица купила Шкловъ отъ князя Адама Чарторыжскаго за 450 тысячъ руб.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак. 1773 г. ст. 14014.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак. 1777 г. ст. 14603 и 1818 г. ст. 27255.

ежегодное содержаніе его выходило до 43670 руб. Въ 1797 г., когда средства Зорича пришли въ упадокъ, училище принято въ казенное вѣдомство и наименовано Шкловскимъ училищемъ, но главная надъ нимъ дирекція предоставлена Зоричу ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ, по смерти Зорича, Шкловское училище переведено было въ Гродну ²⁾, оттуда въ Смоленскъ и наконецъ въ Москву, подъ названіемъ перваго кадетскаго корпуса (нынѣ 1-я военная гимназія).

О жизни Зорича въ Шкловѣ упоминають многіе авторы сочиненій, касающихся Могилевской губ., и всѣ они находятъ ее поистинѣ барскою и безпримѣрно роскошною.

Энгельгардтъ ³⁾ говоритъ: „Ни одного не было барина въ Россіи, который бы такъ жилъ, какъ Зоричъ. Шкловъ былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націй; многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ маіоромъ въ гусарскомъ полку ⁴⁾, и жили на его полномъ иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры, не имѣющіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы: французы, итальянцы, нѣмцы, сербы, греки, молдава-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. 1797 г. ст. 17893.

²⁾ Добрынинъ въ своихъ запискахъ (изд. 2-е, стр. 214 и 215) рассказываетъ, что, какъ только стало извѣстно о переводѣ корпуса въ Гродну, Шкловъ наводнили родители и сродники воспитанниковъ изъ разныхъ губерній. Въ день выхода кадетовъ всѣ собрались въ церковь, гдѣ ученый протоіерей Старинкевичъ, взшедши на кафедру, сказалъ приличное случаю слово и, между прочимъ, возгласилъ: „Возстани, Зоричъ! воззри на виноградъ, тобою насажденный! Ты, въ жизни своей, говаривалъ, что не имѣешь кому оставить дѣтей своихъ! Се, монархъ приѣмлетъ ихъ подъ свой покровъ и ввѣряетъ ихъ руководству избраннаго имъ мужа—указывая на генераль-маіора Кетлера.“ Тутъ родители, сродники, друзья ихъ схватили юныхъ за головы и всѣ до единой души мужчины, женщины, малолѣтніе, молодые зарыдали въ голосъ. Послѣ выхода кадетовъ церемониальнымъ маршемъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ, „во весь остатокъ дня и цѣлую лѣтнюю ночь слышанъ только былъ непрерывный громъ экипажей, по большой дорогѣ въ оба пути, подобно какъ въ столичномъ городѣ, по улицамъ, чрезъ шесть верстъ отъ Шклова до дер. Каменки, гдѣ остановился корпусъ на кантониръ квартирахъ. Чрезъ все сіе время и разстояніе, имя Зорича переносилось громогласно отъ одного къ другому, сопровождаемо выраженіемъ нѣжныхъ чувствованій и благодарности.“ У Безъ-Корниловича (стр. 209) видно, что еще при жизни Зорича корпусъ сгорѣлъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1799 г., а переводъ его въ Гродну былъ въ слѣдующемъ году.

³⁾ См. Записки его, стр. 29, 30.

⁴⁾ Интересенъ рассказъ престарѣлаго маіора Щегловскаго (онъ вмѣстѣ съ Зоричемъ былъ въ плѣну у Турокъ, а въ сороковыхъ годахъ жилъ въ Петербургѣ, имѣя отъ роду болѣе 100 лѣтъ) о томъ, какъ Зоричъ изъ маіоровъ вышелъ въ генералы. По словамъ Щегловскаго, храбрый маіоръ Зоричъ былъ окруженъ турками и мужественно защищался, но когда, наконецъ, видѣлъ необходимость сдаться, то закричалъ: „я капитанъ-паша!“ Это слово спасло его жизнь. Капитанъ-паша у турокъ значилъ тогда полный генераль, и его отвезли къ султану въ Константинополь. Здѣсь его важный видъ, осанка, рассказы, все побуждало султана отличить его и даже предложить ему перейти въ турецкую службу, впрочемъ съ тѣмъ, что-бы онъ перемѣнилъ вѣру. Но ни угрозы, ни пышныя обѣщанія не могли поколебать Зорича. И когда политическія обстоятельства перемѣнились, султанъ, желая склонить императрицу къ миру, согласился на размѣнъ плѣнныхъ и въ писемѣ своемъ поздравлялъ императрицу, что она имѣетъ такого храбраго генерала, какъ Зоричъ, который отвергъ всѣ его предложенія. Государыня велѣла справиться, и по справкамъ оказалось, что никакого генерала Зорича не было взято въ

не, турки; словомъ всякій сбродъ и побродяги. Всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ; единственно для веселья съѣзжалось даже изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній лучшее дворянство къ 1 сентября, дню его именинъ, на ярмарки два раза въ годъ, и тогда праздновали недѣли по двѣ и болѣе; въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектаклей, между прочимъ французскія оперы играли княгиня Катерина Александровна Долгорукая, генераль-поручица графиня Мелина и прочія соответствующія симъ двумъ особамъ дамы и кавалеры; по-русски трагедіи и комедіи—князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій съ женою и прочіе; балетъ танцевалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами и другими; польская труппа была у него собственная. Тутъ бывали балы, маскарады, карусели, фейерверки; иногда его кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанья въ шлюпкахъ на водѣ *). Словомъ, нѣтъ забавъ, которыми бы къ себѣ хозяинъ не приманивалъ гостей, и много отъ него наживались игрою. Хотя его доходы были и велики, но такового рода жизнь ввела его въ неоплатные долги“.

Затѣмъ Энгельгардтъ, между прочимъ, добавляетъ, что въ Шкловѣ было множество бродягъ, такъ, что если случалась нужда отыскивать какого нибудь сорванца, то Государыня (Екатерина) приказывала посмотреть нѣтъ ли его въ Шкловѣ, и иногда точно его тамъ находили **).

Въ статьѣ Брикнера „Путешествіе Императрицы Екатерины II въ Могилевъ въ 1780 г.“ ***) о тогдашнемъ владѣльцѣ Шклова, между прочимъ, пишется: „Зоричъ оставилъ Петербургъ въ 1778 г. и переселился въ Шкловъ, гдѣ около него образовался цѣлый

плѣнь, а былъ взятъ маіоръ Зоричъ. Возвращенный въ Петербургъ, Зоричъ былъ представленъ императрицѣ.—Вы маіоръ Зоричъ? спросила Екатерина.—Я, отвѣчалъ Зоричъ.—Съ чего же, продолжала императрица, вы назвались русскимъ капитанъ-нашею, вѣдь это полный генералъ?—Виноватъ, ваше величество, для спасенія жизни своей, и что-бы еще имѣть счастье служить вашему величеству.—Будьте же вы генераломъ, продолжала императрица, турецкій султанъ хвалитъ васъ и я не сниму съ васъ чина, который вы себѣ дали и заслужили. И маіоръ былъ сдѣланъ генераломъ. Потомъ онъ около года былъ фаворитомъ Екатерины и въ іюнѣ 1778 г. выбылъ изъ Петербурга въ Шкловъ.

*) Рассказываютъ даже, что тутъ учреждались лѣтомъ поѣздки въ саняхъ по разсыпанной по дорогѣ соли. Но чѣмъ особенно славился Зоричъ, такъ это своимъ хоромъ цыганъ, пѣніе и пляски которыхъ во времена Екатерины стали входить въ большую моду. Цыганъ этихъ вывезъ изъ Петербурга графъ Н. А. Зубовъ, отправляясь въ польскую кампанію, и оставилъ въ Шкловѣ у Зорича. Этотъ хоръ былъ родоначальникомъ всѣхъ цыганскихъ хоровъ; правилъ имъ Иванъ Трофимовъ Соколовъ. Хоръ этотъ забавлялъ вельможъ временъ Екатерины II и услаждалъ досуги свѣтлѣйшаго князя Тавриды. Въ этомъ хорѣ образовалась знаменитая цыганская Каталани „Стеша“, которую въ 1817 г. нарочно ѣздили слушать въ Москву изъ всѣхъ концовъ Россіи.

**) Изъ числа иностранцевъ, долго гостившихъ въ Шкловѣ у Зорича, обратили на себя особенное вниманіе извѣстные искатели приключеній графы Зановичи (2 брата), занимавшіеся поддѣлкою фальшивыхъ ассигнацій. Они были пойманы въ этомъ,—при чемъ у одного изъ братьевъ найдено слишкомъ 700000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублевыхъ,—осуждены и заключены въ крѣпость „Балтійскій портъ“. (Записки Энгельгардта стр. 34 и 35.).

***) Русск. Вѣстн. 1881 г. № 8.

дворъ прихлебателей. Пожива около добраго, радушнаго, веселаго и безпечнаго богача была не затруднительна. Кромѣ капиталовъ и драгоценностей, у Зорича въ одной Могилевской губерніи было 14000 душъ. Онъ жилъ настоящимъ магнатомъ, въ пышныхъ раззолоченныхъ залахъ, давая почти ежедневно обѣды на сто приборовъ, съ пушечною пальбой, своею собственною музыкой, иллюминаціями и маскарадами. Кромѣ всевозможныхъ увеселеній, у него происходила страшная картежная игра ¹⁾.

Къ тому, что сказано въ Историческомъ очеркѣ Могилевской губерніи (стр. 115 и 116) о приѣмѣ Зоричемъ въ Шкловѣ Императрицы Екатерины и Императора Іосифа въ 1780 г., не лишнимъ будетъ добавить слѣдующія подробности.

По пути въ Могилевъ на 23 Мая назначенъ былъ ночлегъ императрицы въ Шкловѣ, и вечеромъ императрица прибыла въ раззолоченной каретѣ. Впереди ея скакали по два въ рядъ, на богато-убранныхъ лошадяхъ, знатные дворяне, за ними почтмейстеръ съ двѣнадцатью почтальйонами въ красныхъ кафтанахъ, за ними пикинеры Зорича въ великолѣпномъ убранствѣ. Поѣздъ замыкали кирасиры и длинная вереница придворныхъ каретъ, запряженныхъ шестерикомъ. Зоричъ, встрѣтивъ императрицу у триумфальныхъ воротъ, обогналъ поѣздъ государыни и привѣтствовалъ ее у лѣстницы своего роскошнаго замка, на отдѣлку котораго къ этому времени было употреблено 4000 червонныхъ ²⁾.

Вечеромъ того же дня императрица „изволила,“ какъ сказано въ дневной запискѣ, „забавляться въ карты и смотрѣть нѣмецкую оперу комическую, представленную на домашнемъ театрѣ шкловскаго помѣщика, послѣ коей начался балъ и потомъ данъ былъ для свиты государыни великолѣпный ужинъ. Домъ помѣщичій и все мѣстечко были иллюминированы ³⁾.

На обратномъ пути изъ Могилева Екатерина и Іосифъ со всею свитою прибыли въ Шкловъ 30 Мая. Императрица 31 числа писала изъ Шклова великому князю Павлу Петровичу и супругѣ его Маріи Ѳедоровнѣ: „Вчера мы пріѣхали сюда съ графомъ Фалькенштейномъ, сидя рядомъ въ одной каретѣ“ ⁴⁾. Это второе посещение Шклова опишемъ словами Добрынина. „Зоричъ готовъ уже былъ давно принять вѣнценосныхъ гостей

¹⁾ Г. И. Добрынинъ, говоря о жизни Зорича, заканчиваетъ свое повѣствованіе слѣдующими словами: „Миръ твоему праху, благодѣтель бѣдныхъ и сиротъ, Зоричъ! Миръ твоему праху! а въ символъ (символь) колода картъ, отъ которыхъ Шкловъ и понинѣ еще не выплатился.“

²⁾ См. соч. Карповича „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи,“ Спб. 1874. стр. 323—326.

³⁾ Сб. Историч. общ. I. 404.

⁴⁾ Тамъ же IX. 61—62.

торжественно. Облагодѣтельствованный и получившій все, что имѣеть, отъ щедря императрицы, не щадилъ онъ ничего. Обѣдъ, ужинъ, маскарадъ, театръ, фейерверкъ, кадетскій корпусъ, основанный и содержанный его иждивеніемъ, многочисленной сѣзды во всемъ Шкловѣ дворянства, словомъ: все было у хозяина одушевлено. Государыня имѣла у него ночлегъ; а графъ Чернышевъ не участвовалъ въ зрѣлищахъ. Онъ тотчасъ выѣхалъ впередъ въ городъ Копысь, къ чему должность хозяина губерніи была для него предлогомъ; въ самомъ же дѣлѣ ссора съ Потемкинымъ мѣшала его удовольствіямъ.“

Въ дневной запискѣ, составленной Безбородко, упоминается о триумфальныхъ воротахъ, о пантомимѣ, представленной на театрѣ Зорича, и пр. Для простаго народа поставлены были качели и другія забавы и, сверхъ того, быкъ, хлѣбы и разныя питья *). Не даромъ Безбородко въ письмѣ къ Воронцову изъ Лядовъ, отъ 1 Юня, добавилъ: „О великолѣпнн шкловскомъ въпредъ на словахъ расскажу“ **).

На другой день (31 Мая), „по выслушаніи службы Божіей, для дня воскреснаго, въ Дѣвичьемъ монастырѣ“, путешественники отправились дальше, въ Смоленскъ. Въ письмѣ къ Маріи Терезіи изъ Смоленска, отъ 3 Юня, Іосифъ писалъ, между прочимъ: „Вы можете легко представить себѣ каковъ нашъ караванъ, состоящій изъ 120 различныхъ экипажей, составляющихъ свиту“ ***).

Во время процвѣтанія Шклова ежегодный оборотъ его торговли простирался на сумму болѣе 50 милліоновъ руб. По родамъ торговля раздѣлялась: а) *На хлѣбную и соляную*, процвѣтавшую съ 1815 по 1825 г., когда шкловскіе хлѣбопромышленники скупали въ южныхъ губерніяхъ рожь, пшеницу, овесъ и разнаго сорта крупу, приблизительно, на 5 милліоновъ и соль на 1 милліонъ и на берлинахъ, только что тогда вошедшихъ въ употребленіе, доставляли по Днѣпру въ Шкловъ (въ навигацію приходило въ мѣстечко берлинъ съ хлѣбомъ и солью болѣе 1000). Сюда изъ окрестныхъ губерній сѣзжались торговцы и промышленники для покупки этого товара, который уже сухимъ путемъ шель въ Смоленскую, Витебскую, Минскую губ. и г. Ригу.

На пристани, имѣвшей тогда 150 большихъ двухъ и трехъ-этажныхъ амбаровъ, ежедневно работало 500 человекъ чернорабочихъ и 200 подводъ, транспортировавшихъ хлѣбъ; но годъ отъ году хлѣбная и соляная торговля Шклова, по мѣрѣ того какъ раскидывалась по Россіи сѣть желѣзныхъ дорогъ, постепенно пада-

*) Сб. Историч. Общ. I. 408.

**) Тамъ же XXVI. 69.

**) Agneth, Maria Theresia und Joseph II, III. 259.

ла и уже съ 1860 г. съ южныхъ губерній привозится хлѣба лишь на 328 тысячъ и соли на 40 тысячъ руб., а амбаровъ имѣется 25, и то на половину развалившихся и пустыхъ. б) *На чайную*, процвѣтавшую съ 1836 по 1857 г., когда изъ Пруссіи привозилось въ еврейскихъ фургонахъ, безъ оплаты пошлиною, чая, приблизительно, на 4 милліона руб. Привозный чай смѣшивался на мѣстѣ съ травою *скритнемъ*, собиравшеюся въ окрестностяхъ Шклова, и сбывался на мѣстѣ же торговцамъ, пріѣзжавшимъ со всѣхъ концовъ Россіи, не исключая купцовъ петербургскихъ и московскихъ, которые большею частью не покупали чай на деньги, а обмѣнивали на доставляемые красные и колоніальные товары. По окончаніи севастопольской войны и пониженіи пошлины на чай, а главное вслѣдствіе энергическаго преслѣдованія контрабандистовъ со стороны мѣстныхъ властей, контрабандная чайная торговля окончательно прекратилась. Въ самый разгаръ ея въ Шкловѣ имѣли свои склады не только мѣстные купцы, но и купцы изъ Ковны, Гродны, Вильны и царства польскаго. в) *На торговлю красными и пушными товарами*, которая, въ свою очередь, подраздѣлялась на заграничную торговлю, преимущественно контрабандную, и московскую. Торговля заграничными товарами, какъ то: шелковыми и шерстяными издѣліями, холстами и сукнами, пушными товарами и проч. достигла цвѣтущаго состоянія послѣ 1812 года; тогда шкловскіе купцы два раза въ году ѣздили на Лейпцигскія ярмарки, гдѣ покупали товара (въ томъ числѣ часовъ и иголокъ), приблизительно, на 25 милліоновъ руб; товаръ этотъ доставлялся въ еврейскихъ бухтахъ, на $\frac{1}{3}$ безъ оплаты пошлиною, и продавался преимущественно на мѣстѣ какъ торговцамъ, такъ и съѣзжавшимся помѣщикамъ изъ окрестныхъ губерній и царства польскаго; эта торговля постепенно упадала и въ 1857 г. совершенно прекратилась. Торговля московскими товарами (красными товарами, сукнами и пушнымъ товаромъ въ сырцѣ) была въ цвѣтущемъ состояніи въ первые годы по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи и достигала до 20 милліоновъ руб. Пушные товары, по выдѣлкѣ на мѣстѣ шкловскими скорняками и красильщиками, извѣстными въ свое время въ Россіи, продавались, какъ и прочій московскій товаръ, на мѣстѣ съѣзжавшимся торговцамъ и развозились на ярмарки: Роменскую, Полтавскую, Нижегородскую, Кролевецкую, Нѣжинскую и другія. Но по мѣрѣ постройки желѣзныхъ дорогъ торговля московскими товарами стала падать и съ 1860 г. ея нѣтъ въ Шкловѣ. г) *На торговлю желѣзными косами*, процвѣтавшую до 1860 г., когда ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ привозилось изъ Австріи косъ на 100 тысячъ руб., которыя исключительно распродавались на мѣстѣ съѣзжавшимся отовсюду торговцамъ; вслѣдствіи и эта торговля упала, такъ, что нынѣ приво-

зится косъ, приблизительно, не болѣе какъ на 35 тысячъ руб.; и д) На *рыбную*, процвѣтавшую также до 1860 года, когда однѣхъ сельдей, расходовавшихся преимущественно на мѣстѣ, доставлялось изъ Риги на 50 тысячъ рубл., да не менѣе, какъ на эту сумму, разныхъ другихъ сортовъ рыбы. Хотя послѣ 1860 г. рыбная торговля и ослабѣла, но всетаки и теперь обороты съ рыбнымъ товаромъ достигаютъ до 80 тысячъ руб. Рыба, какъ и прежде, исключительно расходуется чрезъ продажу на мѣстѣ.

Удобному сбыту товаровъ, составлявшихъ предметъ торговли, способствовали существующія и по нынѣ двѣ ярмарки: на второй недѣлѣ великаго поста („Сборница“) и на 9 недѣлѣ послѣ Пасхи („Девятникъ“), на кои съѣзжалось громадное число крупныхъ и мелкихъ торговцовъ. Изъ Москвы тамошними торговцами доставлялись красные товары, изъ Москвы и Курска полушубки, изъ Орловской и Кіевской губерніи хрустальная и фаянсовая посуда и приводилось изъ внутреннихъ и южныхъ губерній до 4 тысячъ головъ лошадей, начиная отъ заводской до рабочей, такъ, что оборотъ каждой ярмарки достигалъ до 185 тысячъ руб. Но уже въ концѣ 50-хъ годовъ ярмарки начали терять значеніе и оборотъ сталъ менѣе, а послѣ 1860 г., вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ и бывшихъ въ Шкловѣ значительныхъ пожаровъ, ярмарки окончательно упали и въ настоящее время оборотъ каждой ярмарки достигаетъ лишь до 25 тысячъ руб. Лошадей приводится теперь до 1000 головъ и то болѣе простыхъ породъ. Во время удовлетворительнаго состоянія хлѣбной торговли, т. е. до 1860 г., шкловскіе промышленники скупали на мѣстѣ смолу, деготь, известь, камень булыжный, брусья, гонтъ, доръ и доски и на берлинахъ, доставлявшихъ хлѣбъ, отправляли въ Кіевъ на сумму до 320 тысячъ руб.; а равно, скупая у окрестныхъ жителей пеньку, доставляли ее по обработкѣ въ Ригу, дѣлая оборотъ, приблизительно, на 70 тысячъ руб. Но послѣ 1860 г. первый родъ отпускнуой торговли прекратился, а второй уменьшился болѣе, чѣмъ въ 5 разъ, такъ что въ настоящее время доставляется на Ригу обработанной пеньки, приблизительно, на 13 тысячъ рублей.

Жителей въ мѣстечкѣ съ предмѣстьями въ 1880 г. считалось 6060 душъ мужескаго и 6333 женскаго пола; въ томъ числѣ православныхъ обоого пола 1268 душъ, католиковъ 33 души и евреевъ 11092 души.

Домовъ каменныхъ 11, деревянныхъ 861 (изъ нихъ принадлежащихъ христіанамъ 312 и евреямъ 550); лавокъ каменныхъ 154, деревянныхъ 49. Церквей православныхъ каменныхъ 2 и деревянныхъ 3; православная каменная каплица; каменный римско-

католическій костель; 2 еврейскихъ синагоги, изъ коихъ одна каменная, и 17 молитвенныхъ школъ, изъ нихъ 5 каменныхъ.

Въ мѣстечкѣ находятся: станова я квартира пристава 1 стана, камера мирового судьи 4 участка Могилевскаго округа, еврейское казенное училище 1 разряда, народное училище, волостное правленіе, почтовая контора, мѣщанскій староста, еврейскій раввинъ.

Имѣются двѣ вольныя аптеки, еврейская больница на 14 кроватей, существующая съ 1880 г. на счетъ добровольныхъ пожертвованій (содержаніе ея обходится въ годъ 1500 р.), и благотворительное сиротское заведеніе, учрежденное въ 1880 г., въ коемъ содержится 50 еврейскихъ мальчиковъ—круглыхъ сиротъ отъ 3-хъ до 13 лѣтняго возраста, гдѣ они обучаются еврейскому закону и ремесламъ (на содержаніе заведенія благотворителями ежегодно расходуется 1500 р.). Пристань на р. Днѣпрѣ.

Семь ткацкихъ заведеній, въ которыхъ изъ шерстяныхъ и бумажныхъ нитокъ, приобретаемыхъ въ Москвѣ, выдѣлывается фланель, кортъ, еврейскія ризы „арбеканфесы“ (шитье серебромъ по бархату) для богомоленья, ширпинка и вязаные платки и шарфы; издѣлія эти частью сбываются на мѣстѣ, а преимущественно вывозятся на ярмарки: Хославичскую, Любавичскую и др. *). Двѣ принадлежащія владѣльцу крупчатныя мельницы.

*) Въ прежнее время, до 1860 г., когда въ мѣстечкѣ жило много разнаго рода ремесленниковъ, оборотъ этихъ заведеній простирался до 100000 руб. Размѣръ нынѣшней производительности ихъ приведенъ въ отдѣлѣ „Фабрики и заводы.“